
Тогда
я еще
не знала

Лейла Шахарис

Тогда я ещё не знала

https://litres.ru/74795444
SelfPub; 2026

Аннотация

Исповедальная психоаналитическая проза, о недоступной любви, границах, и поиске своей идентичности. Пронзительная история о том, как прекратить отрабатывать чужие жизни и начать жить свою.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 23
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Лейла Шахарис
Тогда я ещё не знала

Глава 1

Первое, что я запомнила в новой квартире, — стук в дверь. Глухой, настырный, по-хозяйски уверенный: так стучат люди, которые не сомневаются, что им откроют.

За дверью стояла соседка.

— Ты не видела мою Наташку? Эта тварюга опять ушла и забрала ключ. Можно я посижу у вас?

Когда мне исполнилось пять лет, мы переехали из маленькой двушки в просторную четырёхкомнатную квартиру — просторной она казалась тогда, несмотря на хрущёвскую пятиметровую кухоньку, где вдвоём уже тесно развернуться. Решение приняли единодушно: требовалось объединиться с прабабушкой. Но своей комнаты у меня по-прежнему не появилось: родители спали отдельно друг от друга, а бабуле, героически пережившей четырёх мужей, тоже требовалось личное пространство. Уроки я делала в зале, ночевала у матери. Отец спал в комнате ближе к туалету и кухне, куда крадучись пробирался ночами после трудовой смены. Он работал музыкантом в ресторанах: пел, играл, развлекал публику и копил пассивную агрессию — как все люди, вынужденные

разменивать свой талант на чёрт знает что.

Соседку я приметила в первые дни — разглядывая с ребяческим любопытством, и она произвела на меня глубокое впечатление.

Она была очень некрасивой, почти уродливой. Большое расстояние между носом и ртом придавало всему облику нечто обезьянье, отталкивающее. Спутанные волосы скучного мышиного оттенка, нарочитая неряшливость, неприятный запах, отупевший взгляд и бессвязная речь выдавали в ней пьющую женщину.

Больше всего я злилась на её бессмысленные приходы к нам домой. То она приносила какую-то листовку, сунув нос в наш почтовый ящик, то заходила спросить что-нибудь из кухонного инвентаря — и возвращала его в непригодном для использования состоянии. А порой просто тарабанила в дверь, изрядно наклюкавшись.

Меня, надо сказать, коробило и то, что мама её пускала: выслушивала весь бессмысленный бред, который та несла, и в ответ неиссякаемым потоком выдавала подробности происходящего в семье. Подчас даже чересчур интимные.

Например, как её угнетает бабка, которая портит жизнь смолоду; как она уже тысячу раз пожалела, что соединила с ней крыши; какой бестолковый муж — жадный и брехливый, как он трахает каких-то официанток в том заведении, где работает сам; как она устаёт с ребёнком, как хорошо было бы одной — и как плохо вот именно сейчас, и деться некуда. А

ежели бы знала заранее, в какой ад попадёт, и как её будет поджаривать толпа демонов — в нашем лице, — то ни за что бы не выходила замуж. «Вся жизнь в дерьме», — лаконично подытоживала она и ждала поддержки. Кстати, ей было всего тридцать с небольшим — но звучало так, будто всё уже позади. Из-за мужа, ребёнка и бабки.

Я всё это слушала. Словесная диарея лилась с воодушевлённым азартом, щедро приправленная театральными подробностями и кривыми бытовыми зарисовками с натуры.

Когда замызганная соседка уходила, мама с облегчением выдыхала и говорила мне:

— Нет, ну чего она всё время сюда таскается? Ты чувствуешь, как от неё воняет? Хоть проветривай теперь. Фу, старая сука.

— А зачем ты ей открываешь? — недоумевала я, пожимая плечами и уже тогда улавливая удушливый привкус лицемерия.

— Ну а что делать? — искренне удивлялась мать и возвращалась к делам, будто вопрос был риторическим и ответа не предполагал.

Напротив жили ещё две пары — одни средних лет, другие уже пожилые. За ними я тоже наблюдала — тихо, внимательно, почти как исследователь через щель.

Первая пара с виду казалась вполне благополучной. Мужчина — плотный, мягкий, похожий на добродушного медвежонка: из тех, кого лишний вес не портит, а наоборот, до-

бавляет харизмы. Обаяние плюс огромные, вечно мигающие глаза. Его жена была абсолютной противоположностью естественности. Про таких позже я научилась формулировать точно: платят очень дорого, чтобы выглядеть очень дёшево.

Муж, судя по всему, ни в чём ей не отказывал, но за накладными хвостами, ресницами, тяжёлым макияжем и гремящими украшениями самой женщины почти не было видно — только наляписто оформленная витрина.

Однажды на лестнице послышалась возня — детские писки и хриплый мужской голос. Я подтащила стул, взобралась на него и приникла к дверному глазку. Подсматривать и подслушивать было одним из способов понимать мир.

Судя по разговору, пришли дети от первого брака — просили денег. В дом их не пустили, весь разговор шёл прямо на площадке.

— Я вам ничего не дам. Это вас мамаша подослала, да? Думаете, я в деньгах купаюсь? — его голос бил, как отбойный молоток.

— Ты можешь купить нам поесть? — не отступали дети.

— Нет. Сказано — уходите. Всё. Хватит.

Я слезла со стула с чувством, будто внутри что-то рвётся наружу. Меня захлестнул праведный горячий гнев. Какая разница, кто их подослал, если они голодны? Что значит «я ничего вам не дам»?

Дети ещё что-то тихо пискнули. Мужчина буркнул в ответ. Дверь хлопнула — резко, окончательно.

С тех пор я избегала смотреть ему в глаза.

Позже он развёлся и со второй женой. После этого к его двери потянулась вереница женщин из местных борделей. Меня смущало уже то, что я вообще знаю такие вещи. Стыд смешивался с любопытством.

Я снова и снова заглядывала в глазок: разные девицы шумно, весело вваливались в квартиру, выходили покурить на площадку и почти всегда смеялись — громко, задорно, немного фальшиво. Тогда мне казалось, что у них лёгкая, свободная, почти праздничная жизнь. Позже я научилась безошибочно узнавать проституток по такому смеху — истероидному, на грани срыва, похожему на приступ. Внешне они ещё как-то могли слиться с обычными людьми, но манеры и голос выдавали безошибочно.

Через некоторое время мужчина умер от рака печени — один, в пустой квартире. Нашли его на пятый день, приятель-собутыльник. Насколько я знаю, дети на похороны не пришли. Бывшие жёны — тоже.

Вторая пара была уже в почтенном возрасте. Они прожили вместе долгую жизнь — со всеми её трудностями — и в старости нашли друг в друге тихое убежище. Держались спокойно, бережно, почти трогательно. Иногда обнимались, шутили. Мы никогда не слышали, чтобы они повышали голос.

Прабабушка любила сидеть с ними на лавочке у дома и обсуждать всё на свете — от мировых новостей до цен на

гречку. Она обстоятельно, подробно рассказывала каждую бытовую мелочь: что подорожало, что сказали по телевизору, кто куда сходил.

Мама же эту пару терпеть не могла. Называла их «старыми придурками»: тётю Любу — жеманной слащавой коровой, дядю Аркадия — прокуренным козлом. По закону маятника они постоянно досаждали ей самыми невинными способами.

Например: дядя Аркадий выписывал газету «Труд», прабабушка Галя — «Вечерний Ростов». Договорились обмениваться номерами после прочтения. Сосед был человеком старой закалки: вставал даже в выходные в пять утра, и ближе к восьми бодро звонил в нашу дверь, торжественно держа в руках газету для обмена.

Мать свирепела и лютовала:

— Ну ты посмотри, какого чёрта он ломится ни свет ни заря! Ба, скажи ему, пусть не припирается. Я сплю — и тут эти гости, хуже татар. Чтоб он провалился. Ни покоя, ни тишины.

Но с завидной регулярностью он всё равно приходил — рано утром, с аккуратно сложенной газетой и непоколебимой привычкой к порядку.

И вот однажды моя неподражаемая, эксцентричная мама — которую я обожала, несмотря на её дикий нрав, — услышав очередной утренний звонок, резко подскочила в постели, накинула халат и стремительно бросилась к двери.

Я осталась лежать и слушала, как она нарочито громко и

раздражённо проворачивает ключ в замке. Мне захотелось сжаться в комок: я заранее предвкушала крик и представила растерянное лицо старика перед всклокоченной фурией.

— Здравствуйте, — подчёркнуто нервно, но формально вежливо сказала мама.

Пауза. Видимо, ей протянули газету. И дальше как из пулемёта:

— Послушайте, это уже просто невыносимо. Вы время видели? Чего вы всё время шастаете? Сколько можно так беспардонно себя вести? А если я трахаюсь? Мне что, с члена соскакивать и бежать за вашей газетой?

Это было блестяще.

Дверь хлопнула. Следом — глухое материнское бурчание, щедро приправленное привычными бытовыми проклятиями.

Я решила пробегать мимо него как можно быстрее, избегая разговоров. Лучше всего так, чтобы он меня вовсе не заметил. И тётя Люба — тоже: наверняка он расскажет ей об этом унизительном утреннем эпизоде.

Чёртовы газеты.

Прабабушка — необыкновенно стойкая женщина с почти военной выправкой — отреагировала на случившееся удивительно спокойно. Усмехнулась и сказала мне:

— Ну что поделать. Твоя мать всегда была такой. Чуть что не по ней — и клочки по закоулочкам.

Надо признаться: в те годы, вплоть до подросткового воз-

раста, я вполне сознательно и методично отравляла бабушке жизнь. Делала это изобретательно, продуманно и жестоко — по-детски жестоко, но от этого не менее разрушительно.

Иногда я могла облить её водой просто потому, что была раздражена. Могла переложить её вещи в другое место, а когда она искала — растерянная, сбитая с толку, — вернуть обратно и настойчиво уверять:

— Да вот же они были. Ты что, старая, совсем из ума выжила?

Я придумывала пакости с холодным интересом экспериментатора. Однажды, заметив, что наша собачонка нагадила на диван, а бабушка собирается туда сесть и ничего не видит, я замыслила — как мне тогда казалось — взвешенную идею промолчать и посмотреть, что будет дальше.

Она спокойно сидела, листала журнал, щурясь поверх очков в тяжёлой черепаховой оправе. Я напротив теребила заусеницы в горячем нетерпении.

Через минуту она начала тревожно принюхиваться, ёрзать, оглядываться.

— Запах какой-то отвратительный… Карина, тебе не воняет?

— Бабуля, ну ты чего. Тебе кажется. Просто кажется… Может, с улицы чем понесло.

Много позже я посмотрела фильм «Газовый свет» — от него и произошёл термин «газлайтинг»: психологическая манипуляция, когда человека последовательно убеждают в

его собственной неадекватности.

По сути, я делала с бабушкой то же самое, что мать активно делала со мной — а отец пассивно делал с ней.

Во мне прорастало что-то озлобленное и одновременно трусливое.

За что я мстила этой несчастной старушке? Той, что пережила войну и тогда же родила сына от человека, погибшего за два месяца до победы; той, что прочитала извещение о его смерти восьмого марта 1945 года и с тех пор более пятидесяти лет скорбела в этот день; той, что наконец похоронила собственную дочь, мою бабушку, когда мне было всего девять месяцев.

Когда говорят, что раньше люди были крепче гвоздей, я вспоминаю нашу Галюсю. Теперь эта женщина для меня — гиперсимвол достоинства. В самом широком смысле слова.

Даже угасая, предчувствуя близкий конец и мучаясь подагрическими болями, она не капризничала. По ночам тихонько раскачивалась в своей крошечной комнате, держась за табурет, — видимо, так было легче переносить приступ. А может, просто не могла уснуть. Но никого не тревожила. Только несколько раз просила вызывать скорую — видимо, когда было совсем невмоготу.

Больше всего на свете мне хочется обнять её сейчас и сказать:

«Галина Александровна, ты мой герой. Прости меня за всё — за осознанное и неосознанное зло. Воистину, я не ве-

дала, что творю».

Мудрости в ней хватало, чтобы покрывать мои выходки. Может, не из любви — я не была милым и отзывчивым ребёнком, каких легко любить. Может, просто боялась скандала: мыла посуду, оставленную мне по дому, не жаловалась на грубости и оскорбления. А я, к сожалению и глубочайшему стыду, с ней вовсе не церемонилась.

Если рассматривать отношения родителей — мать с самого начала семейной жизни относилась к домашней работе с демонстративным отвращением. Делала, но как повинность. Называла бытовым рабством и обслуживанием неблагодарных тварей. Часто говорила, что время, потраченное на подгузники, кухню и уборку, выброшено на помойку. В чём-то я согласна с ней до сих пор.

За некоторыми отцовскими вещами она принципиально не ухаживала. К питанию относилась небрежно — как к тягостной обязанности. Бабушка тайком забирала его ношеные носки, а иногда и бельё, стирала украдкой и развешивала так, чтобы никто не знал, чьих это рук дело.

У мамы, впрочем, была позиция, которую, уверена, поддержат многие: свои носки и трусы мужчина вполне способен стирать сам — особенно если нет стиральной машины.

Галина Александровна очень хотела помочь их странному браку — сгладить конфликты, возникавшие на пустом месте. И потому, как бы неловко и символично это ни звучало, ей приходилось буквально совать нос в бельё.

Если маме удавалось застать бабушку за этим занятием, она начинала кричать, судорожно выхватывать постирушки из рук, ругаться и с бешено-пенной слюной доказывать свою правоту:

— Старая дура, ну что ты делаешь? Что значит «за мужем надо смотреть»? Он что, дебил? Или инвалид-колясочник? Не может за собой ухаживать? Не может зайти в ванну и постирать свои вонючки? Или вы все считаете, я должна это делать? Что я ещё вам должна? Если ты будешь продолжать заниматься хернёй, я заставлю тебя сожрать эту стирку.

Бабушка безропотно и пугливо удалялась. Иногда причитала, мол, да как же так; иногда беззвучно плакала; иногда звонила своей сестре и сетовала: «Лилька всё так же кричит, ой, она такая ненормальная, Андрюшу ругает и ругает».

Маму Лильку на самом деле мало кто понимал. Для многих она была воплощением скандала и всего самого одиозного, что может вобрать в себя женщина. Некоторые, впрочем, с ней дружили: сверхэкцентричность и шокирующая откровенность были по-своему притягательны, и даже выругаться она могла чарующе и вкусно. Но между ней и этими друзьями особой эмоциональной связи не существовало. Я считала их совершенно бесполезными людьми, которые приходили просто отнимать время.

Тем временем я сама очень проникалась её идеями и считала их вполне справедливыми.

— Патриархально настроенные лжецы, — говорила мать.

— Тысячи поколений женщин убеждали, что это счастье. Готовить кому-то жратву, намывать полы, которые уже к вечеру загадят, рожать детей, продолжать чей-то род, терпеть, изображать из себя покорную козью морду, тупеть и задыхаться под гнётом этой беспросветной вереницы дней. Посмотри на меня. Это жизнь? Это счастье? А что мне дали роды? Изуродованные сиськи? Бессонные ночи? Хочешь быть счастлива — не рожай, не выходи замуж и не обслуживай всяких выродков: ты положишь на это лучшие годы, а тебя потом станут упрекать, что ты недостаточно хорошо прислуживала. Поняла?

— Поняла, мам, — послушно отвечала я и думала: а ведь и правда, не дай Бог выйти замуж, распрощаться со всем лучшим, что может быть. Навсегда распрощаться.

— Семья заменяет всё, — уточняла она. — Поэтому надо хорошо подумать, что тебе важнее: всё или семья.

Позже я, конечно, приобрету избегающий тип привязанности и буду раз за разом выбирать партнёров, категорически непригодных для семейной жизни. Так я обезопашу себя от угрозы быть облапошенной, никчёмной, прислуживающей — а главное, грустной. Ведь все замужние женщины очень грустные. Они ходят на рынок каждые выходные и несут тяжёлые сумки; глаза их опущены и не выражают никаких эмоций. Всё их существование — быт; все мысли, идеи и даже творческий потенциал — о быте. Красоту, грацию и лёгкость тоже съела рутина. Они живут для других людей.

Они — вещь с определённым функционалом.

Нет, я не буду такой.

А что же мой отец? С самого детства и до сегодняшнего дня я совершенно точно уверена: это необыкновенно талантливый, разносторонний, чуткий, умный человек, которого я люблю всей душой и уважаю всем сердцем — несмотря на некоторые поступки, которые никак не стыкуются с рациональностью и человечностью.

Тот самый угрюмый папа, который так и не был реализован ни в одной из своих ипостасей: не раскрылся и даже не смел помышлять о перспективах, процветании, карьере. Сам себя оставил посредственным музыкантом, посредственным мужем, посредственным отцом. Не позволил себе отдать свой огонь миру — зажимался, подавлялся и саморазрушался.

Наверно, ему было невыносимо страшно даже думать о большем. Да и откуда взяться силам? Энергия берётся из действия, но если его не совершать, она утекает куда попало. Или как он сам о себе говорит: «Я не пессимист, я просто реалист. Всё равно ничего не получится. Зачем меня убеждаете?» Зачем ехать на конкурс певцов — там всё подкуплено, профессионалов столько: кому я нужен? Зачем идти к семейному психотерапевту — лучше всё равно не будет. Я в них не верю: их одна задача — заговорить зубы и выманить деньги.

Да, это была его реальность.

В детстве, насколько мне известно, папу били смертным боем за каждую провинность. Точнее, бил дед, его отец, а мать, ныне покойная бабушка Эмма, никогда не заступалась — чтобы ненароком не уронить авторитет отца перед сыном. Но авторитет, построенный только на страхе, выученный и неискренний, — это дрессировка.

Так он и рос: зашуганный, побитый, неуверенный, застенчивый. В нём не было ни коммерческой злости, ни твёрдого духа, ни способности менять ситуацию. Не могло быть. Затюканный, заранее обречённый на серость и путешествие по течению, он не мог ничего трансформировать. Даже если бы знал как — не хватило бы смелости и настойчивости. Особенно в одиночку.

Начинал он торговать со своим двоюродным братом, и дела шли весьма даже неплохо. Но когда тот ушёл из бизнеса — вместе с автомобилем, который был очень нужен, — папа побоялся покупать свой. Тут нужен риск, ответственность, уверенность.

Правда, иногда, забывая о том, что в него вколачивали, он проявлял лучшие качества: рвение, напор, чувство вкуса, даже авантюризм. Когда принимал собственные решения, а не те, что продиктованы травмой, они всегда были верны и продуктивны — хотя и далеки от масштаба. И этого было недостаточно.

Как муж — это своеобразный человек. Он не делал ничего плохого, но и ничего хорошего. Под «хорошим» подразу-

мевалось, что он ходит на работу, не пьёт и иногда покупает аппаратуру — например, видеомагнитофон, что тогда было дорогостоящей редкостью. Но для мамы «хорошее» означало другие действия. Действий, которых не было.

Он всегда отсутствовал, оправдываясь железной отмазкой: «Я же столько работаю!» После моего рождения мать отправила его спать в другую комнату — под благовидным предлогом кормления грудного ребёнка и необходимости несколько раз вставать за ночь. Отец безропотно согласился и не предложил решить вопрос иначе. Так они постепенно отдалялись. Я росла, но общей спальни у родителей так и не появилось.

Поскольку мне никогда не доводилось видеть их спящими вместе, я искренне полагала, что так и надо. А мама рассказывала: в царские времена, в дворянских семьях вообще было принято иметь раздельные спальни, и мужу не стоит видеть с утра супругу опухшей, с залипшими глазами и неприятным запахом изо рта.

Всё это здорово звучало и могло иметь какое-то обоснование. Но уже ребёнком я понимала: истинная причина дистанции между родителями — не подражание дворянам начала века, а конкретная органическая непереносимость отца моей матерью.

Он как будто не замечал этого. Или ему было удобно не замечать. Скорее всего, второе: обозначь он ситуацию разделения с женой как проблему — пришлось бы её решать.

Сталкиваться со сложностями, вскрывать противоречия, договариваться, менять привычки и образ жизни — одним словом, выходить из зоны комфорта, а это большое неудобство. Поэтому негласно было решено: все будут почивать отдельно и не обсуждать истинный источник этого явления.

Отца также можно назвать пассивным, меланхоличным и холодным человеком. В отдельные моменты он, разумеется, мог веселиться и шутить как никто другой — искромётно, ярко, живо. Голос у него был потрясающе мягкий, глубокий, с бархатными нотами и обволакивающим тембром. Для меня до сих пор загадка: почему, располагая такими данными, он просидел в ресторанах, распевая дешёвый шансон и развлекая всякую пьянь вперемешку с местными бандитами? Почему вовремя не остановился? Почему столько лет провёл в унижениях перед всякой сволочью?

Возвращался он, как правило, за полночь и норовил быстрее поесть и юркнуть к себе в комнату. Если не находил готового обеда — молча жарил картошку.

Иногда мы просыпались от запаха. Мама недовольно ворочалась и непременно отмечала:

— Ты смотри, опять жрёт. Опять оставит на столе крошки. Ты спишь? Может, и мы сходим поедим?

Я радостно подлетала на пружинистом матрасе, откидывала одеяло и мчалась на кухню.

Это были единственные моменты, когда мы могли разделить трапезу вместе и представить себя семьёй.

Отец не роптал по поводу нашего прибытия. Спокойно чистил картошки побольше, заботливо рассаживал нас и угощал своей стряпней.

— Ну, девочки, тоже проголодались? — вопрошал он, приветливо улыбаясь, и с вдохновением продолжал:

— К нам сегодня в заведение новую администраторшу взяли. Так она сразу с места в карьер принялась своим уставом на пороге чужого монастыря размахивать. Повару замечания делала, нам перерывы прописала, что слишком большие. Нахальная. Я даже растерялся.

Мама тут же хваталась за такие новости с едкими комментариями:

— Ну а такой кобель, как ты, конечно, внимательно наблюдал и слушал. А поварёшек ваших, проституток, вообще следует гнать в шею грязными тряпками.

— Ну, Лиля… ну чего ты опять начинаешь, — робко, понижая голос, протестовал отец.

— Нет, подожди. Ты помнишь, как я однажды к вам пришла — ей-Богу, лучше б не приходила. А эта мышь, страшная как атомная война, что она сделала? Она сказала, что они тут вторые жёны. Ну и хорошо, если вторые жёны. Надо отнести им твоё грязное барахло: пусть постирают, погладят и чистое как положено отдадут. Знаешь, Андрей, что самое противное? Ты заткнулся и похихикал, вместо того чтобы рявкнуть на неё. Она в самом деле обалдела, что ли, вошь подзаборная? Но нет, ты молчишь. Вот правда, не рыба не

мясо: что за мужик мне достался? Его жену полощет в дерьме всякая мразь, а он молчит.

— Лиля, ну я же там работаю.

Позже он будет объяснять и вспоминать этот случай вопросом: «А могла ли Лиля промолчать в тот момент вообще?»

Но я не согласна. Промолчать надо было выдрам, объявляющим себя вторыми жёнами.

Я давно привыкла: мои родители никогда не имели способности толково полемизировать — с кем угодно, только не друг с другом. Трёхсложные оскорбления, кривотолки, упрёки, угрозы, непотребные речи, которые ни при каких обстоятельствах не должны касаться детских ушей: в ход шло абсолютно всё. Любая мысль, подвернувшаяся под язык, без всяких фильтров и намёков на оные.

В те времена я ещё не могла в полной мере осознать истинное предназначение семейной ссоры. А это, по сути, предохранительный клапан — сброс лишней энергии, чтобы семья продолжала существовать. Но ради чего? Формально — ради меня. Или ради того, чтобы не строить свою жизнь, а позже обвинить в этом друг друга.

И стойкое чувство вины постепенно, незаметно для меня самой, проникало во всё моё существо, год за годом. Все мучились из-за меня: болеющая бабушка, находящаяся между двух огней; отец, старающийся работать больше, чтобы меньше быть дома; загнанная в угол мать, курсирующая с

утра между кухней, моими уроками и своей спальней.

Они не менялись. Папа оставался тотально бесхребетным человеком — за решения, которые не принимал, всё равно нёс ответственность. Мама — в роли классической жертвы: упорно не замечала возможностей под носом и вопила о том, чего и как её лишили.

Парадокс в том, что это действительно тяжело — и удобно одновременно.

Глава 2

Я жила в очень красивом городе с купеческой атмосферой, на берегу реки.

Ростов-на-Дону славился доходными домами, построенными владельцами специально для сдачи в наём. Типового проекта не было, поэтому богатейшая знать, промышленники, владельцы заводов и пароходов соревновались: чей дом выше, грандиознее, изысканнее.

После революции все эти дома национализировали и отдали под коммунальные квартиры. Судьба владельцев сложилась по-разному.

Но до сих пор это великолепие смотрится гармонично и изящно. Арочные окна, прямоугольные эркеры, орнаментная отделка карнизов, медальоны, эмблемы — всё напоминает о процветании и торговом прошлом города.

Наша семья проживала в армянской части города — Нахичевани, куда ещё при Екатерине II определили армян, выходцев с Крыма. Отец — этнический армянин, но уже родившийся на этой земле, — не говорил на родном языке. Мать — русская, но с турецкими корнями: прадедушка-казак привёз из очередного похода жену-турчанку, которая подарила всем женщинам нашего рода длинные тёмные волосы, выразительные глаза и грациозные фигуры.

Сейчас мы живём в относительно спокойное время, но в ту пору каждый угол был пропитан криминалом и тревогой. С наступлением темноты оставаться на улице было небезопасно.

Возможно, меня раскритикуют приверженцы либерализма, но ребёнком я была чётко убеждена: у преступности есть национальность. Во всяком случае в нашем городе — да. По официальным сводкам, именно этнические диаспоры занимались криминальным бизнесом. А как быть с тем, что подавляющее большинство «воров в законе» — грузины?

Я много размышляла об этом в детстве, с грустью наблюдая за конфликтами, убийствами, последующими дискуссиями. Когда в моём окружении появлялся друг кавказского фенотипа, родители настораживались: «Будь аккуратна, это же чурка. Кто его знает — может, наркотиками торгует, может, изнасилует…» Звучало забавно, учитывая, что сами они на русских не очень-то походили.

Однако опасность действительно существовала. После развала СССР в некоторых районах наркотиками торговали прямо с лавочек бабульки-пенсионерки — «божьи одуванчики». Может, не тяжёлыми, но гашишем точно.

Гулять мне было строжайше запрещено. Ещё и потому, что у нас с ужасающей жестокостью действовали серийные маньяки и педофилы. Сам город сбившиеся с ног следователи называли геопатогенной зоной. Времена поиска печально известного Чикатило — это моё детство.

У нас появилась дивная собачка. Пудель с необыкновенно красивой мордочкой, серебристо-голубого окраса, с кипучей жизненной позицией. Та самая, что гадила на диван, если огорчалась невниманием.

Я получила долгожданную возможность выходить на улицу под благовидным предлогом — выгулять псину. Но прогулка могла проходить исключительно в зоне видимости с балкона, в светлое время суток. Обычно я отказывала другим детям в просьбе пойти с ними в парк или на площадку. Держалась особняком, чуяла себя гадким утёнком и белым воронёнком. Дети тоже не стремились дружить со мной. Я не расстраивалась: гораздо больше стоило переживать о другом.

Растущее в семье колоссальное напряжение передавалось и мне. Все чуяли угрозу, нависшую в воздухе. Тяжёлым духом фонило из всех щелей. Та самая ситуация, когда страшно просто обратиться друг к другу, когда избегание порождает ещё большее напряжение.

Это чувствовала бабушка и частенько сокрушалась: «Ой, что-то будет. Я точно знаю. Как перед войной — сердце щемит». Чувствовала и я, не понимая до конца происходящего, но, как животное, улавливая наступающее землетрясение. Я прислушивалась, присматривалась, принюхивалась.

Ближе к двенадцати годам внезапно увлеклась венерологией — методами диагностики и лечения заболеваний, передающихся половым путём. Не знаю откуда, но у нас дома

оказалось целое собрание увесистых советских энциклопедий на эту тему. Досконально изучив картинки и симптомы, я с лёгкостью отличила бы мягкий шанкр от лимфогранулематоза. С огромным воодушевлением я сообщила семье, что хочу быть доктором.

Бабушка сказала: хорошее дело, но учиться придётся долго и ответственно. Папа сделал вид, что ничего не слышал. А мама с жаром объяснила, что все люди подонки и нечего их лечить. Лучше уж тогда в ветеринарию. Но если быть ещё точнее — какой с меня, армянского недоделка, врач? Я же тормоз, каких свет не видывал. По случаю она разбавила тираду парочкой паскудных медицинских анекдотов и отправилась по своим делам.

Именно так весёлые, жизнерадостные женщины превращаются в кусающихся гиен. Они не могут отдать любовь своим детям, потому что сами её не получили.

Я не потеряла ориентира и принялась углублять знания доступными путями. Интернета не было, подходящую литературу просто так не купишь. Но ничто не мешало договориться с одноклассниками, чьи родители работали в поликлиниках: они приносят мне учебники, я помогаю им с английским. Анатомия, гистология, психофизиология — всё было изучено в кратчайшие сроки. Информацию я обрабатывала быстро, запоминала легко и чувствовала, насколько органично это вписывается в мой багаж знаний.

На двенадцатилетие мне подарили печатную машинку. Не

родители, конечно, а тётя Таня, мамина сестра. Все мои конспекты, стихи, рассказы, заметки — всё обрело жизнь и системность. Я просиживала в упоительном восторге, клацая по клавишам часами, порой забывая о прогулках с собачонкой.

Однажды уверенность распёрла меня по полной. Я решила не откладывать.

Ничуть не колеблясь, напечатала огромное количество объявлений следующего содержания: «В нашем районе предоставляются услуги по лечению сифилиса, гонореи, микоплазмоза и трихомониаза». В следующие полчаса эти шедевры были расклеены по всем деревьям округи. Я прибежала домой, уселась у дискового телефона и с деловым видом ждала звонка от первых пациентов.

Опьянённая бесподобной идеей, я воображала, будто все эти действия имеют колоссальное значение. Именно сейчас найдено моё предназначение, и мне не страшно об этом заявить.

Мои размышления прервала бабушка. Растерянная, изумлённая, она сжимала подагрическими пальцами клочок бумаги — тот самый, что оборвала с дерева. Опешив от прочитанного, еле слышно спросила:

— Карина, это что? Это же наш номер телефона указан внизу? Это кто-то пошутил?

Внутри всё оборвалось, но я не сдавалась:

— Никто не шутил. Ничего смешного нет. Буду работать.

— Ты что, сумасшедшая? Ты же ребёнок…

— Я знаю, что делать и как. Не нужно ко мне лезть. Я хочу и буду заниматься врачеванием. Ваша главная задача — не трогать меня. Это сложно?

— Но при чём тут сифилис? Ты читала, что тут написано?

В момент нашего спора явилась утомлённая бытием мама. Завалилась в коридор с многозначительными придыханиями, которые почти кричали: «Мне тяжелее всех, уроды, посмотрите, как я страдаю».

Я скукожилась, подмяла под себя ноги и подумала, что часть моей жизни всё-таки сложится бесславно, что дурные события уже предопределены и я не смогу с ними справиться. Холодные две пары глаз смотрели на меня как на недвусмысленное зло. Или в крайнем случае — как на таракана.

Бабушка протянула маме бумажку и тихонечко прошептала:

— Лилька, ну ты посмотри, что она делает… Ей бы уроки учить, нет… Ты почитай, смотри — вон, гонорея ещё…

Мать небрежно скомкала бумажку:

— Дочь, ты у нас дурочка совсем. Какие ещё венерические заболевания? Совсем чокнулась? А если домой заразу какую притащишь? Совсем как у папы — мозгов нет. Быстро пошла и всю эту херню собрала и выкинула. Только этого нам не хватало. Гонореи с трихомониазом. Это всё от безделья. Таки испортила я породу. Надо было от кого-то другого рожать, только не от армяна. Вот что получилось… Ходячий

армянский стафилококк, давай бегом собирай всё.

Этот случай произвёл на меня огромное впечатление. Стало ясно: поддержки ждать неоткуда. В семье её не будет — никогда. Слава Богу, если не станут мешать. И на том спасибо.

Так мы и жили. Мама мечтала о разводе. Папа продолжал грызть копчёную колбасу у себя в комнате, чтобы лишний раз не выходить на кухню. Бабушка с прискорбием наблюдала за этим безобразием. А я по-прежнему не знала, кто я и зачем, периодически вспоминая, что всеобщее горе и неблагоустроенная жизнь — это всё ради меня. Непонятно было только, что я с этого получала.

Обстановка разрядилась неожиданным прибытием маминого троюродного брата из Таганрога.

Несмотря на то, что дядя Константин, в отличие от меня, не интересовался историей, нам сразу было о чём поговорить. Показалось, что в наш затхлый, стухший, застойно-унылый мир наконец ворвался поток свежего воздуха — в лице этого юноши, весельчака и балагура. Длинный как каланча, почти два метра, слегка неуклюжий, но симпатичный и общительный.

Он изучал английский в университете и собирался работать синхронным переводчиком. С широкой белозубой улыбкой, огромными ясными глазами и забавно чудаковатыми манерами он производил неизгладимое впечатление живостью, рассуждениями, юмором. Это было ново, непривыч-

но и весело.

Мы играли в лото, в ментальные игры. Он много помогал мне с иностранным, раскрывая то, о чём наши преподаватели не имели понятия. Меня развлекали его истории про деда и бабку, у которых Костя остановился. Он забавно пародировал их, почти художественно потешаясь над безусловным влечением деда к бабке, сохранявшимся все шесть десятков их семейной жизни.

(Чтобы не погружать читателя в подробное генеалогическое древо, скажу: его дед являлся младшим братом моей прабабушки Галины Александровны. Этот дедушка чудом уцелел после нескольких детских смертей мужского пола — был самым маленьким, его любили, баловали, опекали. В юном возрасте он женился на Вере — женщине безликой, некрасивой, необразованной, страдавшей ожирением. Все свидетели этого союза вынесли вердикт: приворот. Всю жизнь он смотрел на неё одержимыми, преданными глазами, полными благоговения. Не исключаю долю мистики.)

Костя приходил к нам всё чаще. Очень сдружился с моей матерью, с которой виделся прежде, будучи ещё ребёнком. Мама ожила и порозовела. У них нашлось невероятное количество общих тем — от политических до крайне деликатных, личных. Он без тени стеснения оставался на обед и ужин, а потом и на ночь. Почему бы и нет?

Бабушка была обеспокоена. Звонила своему брату, чтобы тот вразумил внука и повлиял на его расписание.

— Костя приходит каждый день и совсем не учится, — взволнованно поясняла она. — Они хихикают, играют в карты, в домино. Ему что тут — мёдом намазано? Его же прислали подтянуть учёбу. А то уедет обратно в Таганрог, и что говорить его родителям? Чем он тут занимался?

Бабушка, человек умудрённый опытом, может, и не могла вывести логическую связь между его присутствием и своим ощущением происходящего злодеяния — но связь определённо была.

Прямо под носом у моего отца, который, как и раньше, ничего не видел, не слышал и не понимал — или, скорее всего, не хотел понимать, — складывалась заманчиво-пикантная история с участием его жены. Незамеченным для него осталось и то, что мать расцветала на глазах, щебетала, как птичка, вьющая гнездо, наряжалась и прихорашивалась.

Говорят: если дерьмо может случиться — оно обязательно случится.

Роман матери с её троюродным братом разрушил мой мир. Это было чудовищно и немыслимо — особенно с учётом факта инцеста. Троюродное родство — всё-таки родство.

Когда эта правда стала очевидной, я потеряла опору. Семью. Себя. Своё место в системе. Кто я и зачем живу? Моя осознанная жизнь начинается со стыда, лжи, предательства, фальши, беспринципного коварства — прямо здесь, у меня перед глазами. Мерзость, в которой я обязана принимать

участие: одурачивать отца, делать вид, что ничего страшного не происходит. Как будто это норма.

Я — бесхребетное, беспомощное, бесправное существо — никак не могу воспрепятствовать этому вероломству. И бабушка тоже не может.

Разумеется, мы боялись сделать это известным. Боялись реакции отца, его горя и шока. Боялись за маму, за всеобщий скандал. Мы молчали — как вынуждены молчать трусы, находящиеся в зависимости и под покровительством более сильного. И хотя моя мать ни за кого не отвечала и ни за кого не несла ответственности — даже за себя, — мы боялись её как чёрт ладана. Страх стал постоянным спутником.

Папа по-прежнему ни о чём не догадывался. Радовался, как ребёнок, что к жене приехал родственник и она немножко воспряла духом.

Особенно плохо мне становилось, когда они оказывались за одним столом, пили чай, и папа со свойственным ему живым любопытством расспрашивал этого подонка о родителях, об учёбе в университете, о том, как благоустраивается их город. Бывало, Костя победоносно поглядывал на меня, и его взгляд будто говорил: «Ты будешь молчать, маленькая идиотка».

Шло время, неделя за неделей, но мы молчали. Я понимала, что эта сволочь поимела не только мать, но в какой-то степени и отца тоже. И всех нас. И весь этот дом.

Поступок матери был оценён мною как невменяемый и

подлый. Подлый по отношению ко всем нам. Конечно, она имеет право на счастье, право чувствовать себя желанной и красивой. Но почему именно таким образом?

Чуть позже мерзавец и проходимец, учуяв какую-никакую властишку через дозволение матери, приспособился раздавать мне подзатыльники, делать замечания, язвить в мой адрес самыми неприемлемыми и пошлыми способами. Не упускал случая пожаловаться на меня. Он говорил обо мне в чудовищных выражениях, и мама с большим энтузиазмом поддерживала мерзавца: у меня, мол, вечно недовольная рожа, я туповата, меня следует почаще бить, кислая мина действует им на нервы.

— А что тут такого? — говорила она. — Сколько можно мне жить для других? Он молодой и красивый. А папа твой… сама понимаешь. Обезьяна мохнатая, все были в шоке, когда я за него замуж вышла. А ведь могла выбрать любого. Лучшие годы — как раб на галерах. Ты знаешь, как это — быть русской невесткой в армянской семье? Это ад. И вот когда мне понадобилось хоть немножко радости, хоть кусочек за все пролитые слёзы и бесполезно прожитые годы, вы с этой старой кошёлкой, бабкой Галей, которая выходила замуж четыре раза, между прочим, решили учить меня, как следует себя вести и с кем спать. А не пошли бы вы в задницу. Я и так всю жизнь для вас, неблагодарных. Поэтому заткните пасть и не смейте вякать мне ни звука из своей поганой глотки.

М-да. С маменькой разговор был короткий. И снова неясно: всю эту просранную жизнь что-то делалось — но было ли хоть что-то из того, что я действительно просила?

На фоне этой мерзопакостной интрижки её ненависть к отцу достигла взрывоопасной отметки. Она уже не стесняясь поливала его помоями, злословила и просила уйти.

Поселившийся у нас гость ничуть не отставал. Со свойственной ему манерой высмеивать людей он утрировал качества моего отца: хороший аппетит называл прожорливостью, избыточную потливость пометил лаконичным «скунс». Не упускал случая предать насмешкам всё, что подворачивалось. Естественно, за спиной, хихикая тайком. Видимо, это добавляло остроты.

Он был абсолютно токсичен и разнуздан.

Однажды отец сильно заболел. В ту зиму бушевал лютый грипп — его называли то свиным, то атипичным. С пугающей быстротой он переходил в воспаление лёгких, сопровождался сыпью и осложнениями. Лечение затягивалось на недели.

Воспользовавшись счастливой случайностью, мама в мгновение ока собрала его вещи, заботливо уложила в сумки и под предлогом, что нам никак нельзя заразиться, выпроводила болеть к его матери — бабушке Эмме, которую тоже неистово ненавидела и обвиняла во всех смертных грехах.

Я смотрела на собранные вещи и понимала: это конец. Он не просто уходит на карантин — он уходит навсегда. Хо-

тя сам не знает, что обратно его не пустят. Наши с бабушкой предчувствия оправдались поразительно точно. Разводу быть.

Наивный, витавший в облаках папа не понимал того, что уже для всех было очевидно. Ну, собственно, он не понимал и как жить в семье, и чем недовольна его жена.

Пока он лечился, мама складывала остальное его имущество. Мы с бабушкой молились всем богам, чтобы он не догадался об истинных причинах этой истерики, не заподозрил, что явилось катализатором.

— Андрей не такой уж и плохой, — грустно рассуждала бабушка Галя. — Спокойный он очень. Может быть, даже чуточку заторможенный, но его можно настраивать на нужную волну. Просто твоей матери оно не надо. Ей надо другое… А что теперь будет? Он придёт — а чемоданы стоят… А если мой брат узнает про Костика, ведь и мне достанется, скажет: я знала и ничего не сообщила. Ужас, ужас…

У меня ещё теплилась надежда, что тринадцать лет брака не проходят бесследно и в любой сложной ситуации двое взрослых людей могут договориться.

Наверное, так и есть. Если хотят. Если готовы меняться сами. Но нет — каждый хочет, чтобы поменялся тот, другой. Ведь именно другой виноват. А я? Я нормальный, я не при чём.

Прошло ещё около двух недель. Близился Новый год, но настроение было отнюдь не праздничное. Ёлку купили зара-

нее, но наряжать и украшать её я не хотела. Всё это дешёвое представление с подарками и сюрпризами не доставило бы удовольствия. Везде был тошнотворный привкус чего-то неестественного, ужасающего, растлевающего. Это сдавливало глотку и резало глаза.

Папа заявился подлечившимся и бодреньким, ни сном ни духом не подозревая, что благоверная уже всё распланировала, в том числе посадить с нами за стол недоноска-родственника и всем видом показывать, как мы с бабкой портим им торжество.

Суть финального разговора с отцом осталась для меня тайной. Я не знала, как и когда он должен состояться и что она собирается ему говорить. Меня об этом никто не предупреждал, не спросил о моих чувствах. Да и кто я такая?

Но я отчётливо помню, как в комнату вошла мать и очень сухо, тоном, не терпящим возражений, попросила пройти к нему в комнату и попрощаться.

Я зашла, и внутри всё оборвалось. Он сидел растерянный, как наказанный ребёнок, среди тюков с собранными пожитками. В глазах его стояли слёзы.

— Мама сказала уходить, — прохрипел он сквозь подступающие рыдания. Голос был послушный и одновременно обречённый. Мама сказала…

Я вцепилась в него как никогда раньше. Мы оба громко заплакали, почти зарычали от боли, как раненое зверьё. Он совсем расклеился. Я впервые видела его таким потерянным,

плачущим.

Каждый раз, когда он обнимал меня снова, новый вопль раздавался в этой комнате, из которой мой отец уходил навсегда. Тут мы обычно смотрели диснеевские мультфильмы и играли в «Поле чудес». Тут он тайно грыз колбасу, скрываясь от регламента мамы и бабушки. Тут отдыхал после работы. Тут репетировал на новом синтезаторе и занимался на аккордеоне. Я огорчалась и одновременно радовалась: ведь если он плачет, значит, я не безразлична ему. (Но потом мама сказала, что это слёзы проливались по удобству и привычкам, которые он тут имел.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.